

Игорь Марков

МИГРАЦИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГОРИЗОНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОБЫТИЯ

Abstract

This article is based on the results of the author's study of processes of Ukrainian labor migration to EU countries. Migration is a field for the study of «social frontier» or, in the words of the German sociologist T. Faist, «the borders of social formations», and not only in the territorial-cultural, but also in the temporal and spatial dimension. The article is devoted to the study of horizontal space of communication that is created by migrants' social networks. Usually migrants neither integrate in the host society nor reintegrate in the society of their origin but rather create a horizontal space of coexistence, which reproduces the patterns of ethnicity. This is due to the changes of the types of social identities and principles of social identification. The author tries to trace how the factor of ethnicity is implemented in the construction of social identities in the horizontal space of coexistence.

Keywords: space of coexistence, social identities, principle of “social correlations”, mobilities, migrations, ethnicity.

Исходные позиции для предлагаемой статьи можно очертить на стыке «двух пограничий»: «пограничья академического», обозначенного Дж. Урри как движение исследователей от центра своих дисциплин к их периферии и пересечение в конечном счете их границ, т.е. пересечение границ «общей междисциплинарности (Урри, 2012: 302); «социального пограничья», понимание которого заключается, к примеру, в замечании Т. Файста о существенности изучения границ социальных формаций в современных миграционных исследованиях (Faist, 2010: 33).

Во втором случае в моем понимании речь идет о смене типов социальных идентичностей и принципов социальной идентификации в горизонтальном пространстве общения. Понятие горизонтального пространства общения, как и перехода от «вертикального» и линейного исторического времени к горизонтальному времяпространству параллельных действительностей, подробно рассмотрены в статье «Глобализация и миграции: теоретические и методологические аспекты исследования социодинамики». Характеристикой горизонтального пространства общения является социальная циркуляция, т.е., по определению П. Сорокина, перемещение из одного социального уровня на другой (Сорокин, 1992), что, в свою очередь, указывает на создание нового пространства со-бытия, имеющего «вертикальную» и «горизонтальную» составляющие. Его структурирование происходит «на перекрестке» «поток» (людей, капиталов, информации), источниками которых являются национальные, международные, транснациональные и глобальные центры влияния (вертикальная составляющая) и коммуникации, представленные соединяемыми между собой социальными сетями (горизонтальная составляющая). Последние в созданном с помощью современных средств связи медиапространстве общения фиксируют превращение расстояний в «функцию отношений» (Урри).

Функцию превращения расстояний в отношения в рамках территориально-политического воссоздания социальности и социальной идентичности в ее понимании как «принадлежности к более широкой общности» с более или менее четко обозначенными границами выполняют институты. Смещение акцента с «принадлежности» к «самоопределению», т.е. к персонализации в понимании социальных идентичностей – без нарушения универсального контекста «общности», размывает их границы. Принцип социальных соотношений становится определяющим в их конструировании, оставляя за институтами функцию внешней легитимизации; социальная идентификация видится в динамичном, социально-горизонтальном измерении «самоосуществления». Способы социального опосредствования (соотношений) формируют «коммуникационные порядки» самоосуществления в медиапространстве общения.

В настоящей статье я попытаюсь рассмотреть некоторые аспекты конструирования горизонтального пространства со-бытия, артикулируемые несколькими важными направлениями и сторонами социальных активностей, – опираясь на результаты наших исследований процессов украинской трудовой миграции в странах ЕС.

Одним из таких важных направлений является образование. Как известно, образовательный статус, в частности университетский диплом, всегда считался важным средством социальной циркуляции, «социальным лифтом», «переносившим» человека из низшего на высший уровень социальной иерархии (Сорокин, 1992). Польский исследователь Р. Йончи утверждает, что характерный для последнего времени быстрый рост количества специалистов с высшим об-

разованием связан с понижением их квалификации и происходит за счет уменьшения обладателей рабочих профессий. Невостребованность такого количества выпускников университетов соответствующих квалификаций на рынке труда своей страны (в данном случае речь идет о Польше) вынуждает их к социальной компенсации в виде более высокой оплаты за низкоквалифицированный труд в другой стране, и это является важной причиной выезда на заработки из Польши в западные страны (Jończy, 2009).

Наши исследования украинской трудовой миграции в странах ЕС приводят к мысли, что образование, освоение новых знаний и квалификаций становятся прежде всего средством горизонтальных коммуникаций и фактором социальных мобильностей. Таким образом, квалификация получает значение одного из полей или, для пространства горизонтального общения, «нереализуемых полей» социального выбора, становящегося частью социального капитала (термин П. Бурдье) человека, инвестицией в траекторию его социального самосоуществования.

Как мне приходилось неоднократно утверждать, с украинской стороны динамику современной украинской миграции определяют люди с высшим и средним образованием, выполняющие дополнительную, часто тяжелую физическую, работу в стране пребывания. Однако имеющийся потенциал конвертируется в сравнительно быстрое приобретение новых сфер и средств коммуникаций: быстрое изучение языка, культуры, социальных возможностей и карьерного роста в принимающей стране (Марков, 2009: 82, 83; Markov, 2015). Для молодого поколения мигрантов, учащих в университетах, школах и на курсах, получение соответствующей квалификации непосредственно переходит в «капитал мобильности», вызывающей потребность в освоении индивидом новых «параллельных» (т.е. не связанных между собой и раньше полученными знаниями и квалификациями) образований, составляющих пространство его самоосуществления.

Молодые мигранты из Украины, проживающие в Греции, окончив школу в стране пребывания, продолжают образование в университетах Украины и благодаря социальным сетям рассматривают возможность дальнейшей самореализации в «третьих» странах (Архів, 2008: 575а). Так, одна украинка, получившая квалификацию правоведа на курсах и работающая в Ассоциации по защите прав мигрантов в Лиссабоне, параллельно учится на химическом факультете Одесского университета им. Мечникова и рассчитывает сделать карьеру в Украине, в Португалии либо какой-нибудь другой стране Европы. В отличие от граждан Украины, живущих в одном месте на протяжении десятилетий, считает респондентка, в Португалии мигранты, прибывшие в новую страну, стремятся расширить свои возможности. Соответственно возрастают их потребности. Сюда приезжают, чтобы получить больше возможностей (Архів, 2006: 545а).

Потребность мигранта в новом образовании, возникающая в пространстве его социальных соотношений, выступает посредником новых активностей, не

связанных с содержанием вновь полученного образования. Это можно назвать движением в сторону новых знаний, порождающих вхождения в параллельные пространства общения. «Линейная» связь между «образованием» и «практикой» осуществляется через событийность самоосуществления человека.

При этом пользование интернетом, частота разговоров по мобильному телефону являются важными, но не главными критериями формирования горизонтального или, как я его определяю, медиапространства общения¹. Определяющим критерием можно назвать нацеленность молодого человека к освоению «нового иного».

Еще один аспект формирования горизонтального пространства события связан с формированием социальных противоположностей, которое мы смогли увидеть на примере показателей зависимости благосостояния домохозяйств Украины от финансовых поступлений от мигрантов, выехавших на заработки за границу. Соответствующие показатели были подготовлены авторами первого общенационального выборочного исследования населения (домохозяйств) Украины по вопросам трудовой миграции (Лібанова, 2009).

Проведенный мною анализ соотношения уровня благосостояния домохозяйств и предоставляемой денежной помощи позволяет рассматривать экономическую миграцию относительно семьи не как «побег», временное отлучение, но как определяющий фактор формирования нового пространства события, а следовательно, и социального самоопределения семьи. В связи с этим привлекает внимание следующая тенденция: среди выделенных авторами категорий домохозяйств для исследования самооценки уровня благосостояния наибольший удельный вес денежной помощи из-за рубежа приходится на «зажиточные», а также «бедные и очень бедные» домохозяйства, тогда как для домохозяйств, представители которых признали себя «средними» и «ниже среднего», она существенно меньше. Именно для двух полярных категорий количество домохозяйств с долей денежной помощи из-за рубежа, превышающей 75% их совокупного дохода, оказалось существенно выше обоих «средних» (соответственно 49,7 и 30,7% против 21,9 и 20,4%). При этом меньший от «зажиточных» процент домохозяйств с показателем 75% от совокупного дохода компенсируется в «бедных и очень бедных» значительно большим от обоих «средних» и «зажиточных» домохозяйств, удельным весом доли 51–75% зарубежной денежной помощи. В то время как в «средних» домохозяйствах значительно выше, чем у «полярных», доли «нижних планок» заграничной денежной помощи – до 25% и от 26 до 50% совокупного дохода.

С другой стороны, среди тех, кто считает себя «состоятельными», авторы общеукраинского обследования получили только 7% домохозяйств с суммами иностранной денежной помощи от 1000 до 2000 дол. США; для всех остальных представителей данной категории эти суммы были большими: до 5000 дол. получали из-за границы 42,5% «состоятельных» домохозяйств и еще 35,1% из

них – больше этой суммы. Вместе с тем только для 15,5% «состоятельных» домохозяйств доля зарубежной денежной помощи составила 51–75% их совокупного дохода.

Во-первых, показатель 15,5% в этом случае есть меньше, чем соответствующие данные для обоих «средних», «бедных и очень бедных», а во-вторых, из соотношения всех показателей, составляющих данную диаграмму в целом, следует, что для «состоятельных», в отличие от трех других социальных групп, он определенно меньше за счет тех, что «сверху», т.е. 49,7%, получавших из-за границы свыше 75% совокупного дохода. Следовательно, показатели 7 и 15,5% – когнитивные для идентификации «зажиточных» как социодинамического компонента нового пространства социальных отношений.

Вместе с тем приведенная конфигурация показателей удельного веса денежной помощи из-за рубежа для всех четырех групп домохозяйств позволяет предположить, что только для двух категорий – «богатые» и «бедные и очень бедные» она указывает на миграцию как «социальное движение», «социальное изменение». Собственно, поэтому соотношение двух полярных категорий – «богатые» и «бедные и очень бедные» – позволяет рассматривать миграцию как динамический компонент определения нового пространства социальных взаимодействий.

Что это значит? «В понятии “сжатия пространства/времени” содержится идея непрерывной многоплановой трансформации состояния человечества... – писал Зигмунд Бауман. – Глобализация разобщает не меньше, чем объединяет, она разъединяет, объединяя, – расколы происходят по тем же причинам, что и рост однообразия мира. Параллельно с этим процессом планетарного масштаба, возникшим в бизнесе, финансах, торговле и потоках информации, движется и процесс “локализации”, закрепления пространства. Взятые вместе эти два взаимозависимых процесса обуславливают резкую дифференциацию условий существования населения, целых стран, регионов, целых сегментов населения. То, что одним кажется глобализацией, для других оборачивается локализацией; для одних это предвестник свободы, для других – неожиданный и жестокий удар судьбы. На первое место среди желаемых ценностей выходит мобильность, то бишь свобода передвижения, тот вечно дефицитный товар, который *распределяется неравномерно, быстро превращаясь в главный фактор расслоения нашей постмодернистской эпохи*» (курсив мой. – И.М.) (Бауман, 2008: 6–7).

Понятие «локус», «локализация» предстает здесь не в противовес глобализации в смысле консервации ценностно-структурной матрицы предыдущего общества, а как один из двух компонентов «единства противоположностей» в наличии возможностей, ведущих к изменению пространства детерминации самого понятия «социальная мобильность», как расширение свободы передвижения, одна из противоположных позиций, совместно создающих новое пространство социального самоопределения и самоосуществления.

Противопоставление «глобализация – локализация» детерминирует социальное разделение как таковое – через сосуществование миров, реальностей во времяпространстве социальных соотношений. Социальная дифференциация – появление субъектов, групп, страт, их соотношение, социальная поляризация – исходит из «сегмента» глобального сосуществования действительностей. Изменение статусных позиций в этих условиях определяется наличием, обозначенными символами реального или потенциального (время калейдоскопически меняется) участия в глобальных отношениях, к примеру масштабы финансов, средства коммуникации, изменяющие структуру социальных отношений. Если стержнем глоболизирующегося мира является динамика изменений, то его иерархия определяется наличием социального капитала изменений. И, наоборот, социальная маргинализация предопределяется наличием средств «локализации». Если исходить из моего предположения о принципе социальных соотношений в основе способа социального самоопределения человека глобализованного общества и времяпространстве как его сущностной характеристике, то остается открытым вопрос: каким образом трансформируется, видоизменяется в нем «локус события» в смысле культурной среды и этнокультурном смысле?

Мы рассматриваем миграцию как процесс социальной когнитивизации глоболизирующегося мира. Если глобализация – это социодинамика², то, возвращаясь к нашему анализу соотношения уровня благосостояния домохозяйств и зарубежной денежной помощи в национальном обследовании домохозяйств, только две категории – «богатые» и «бедные и очень бедные» характеризуют миграцию как социальное движение, процесс социальных изменений, происходят из общих детерминант этого процесса, формируют соотношение противоположностей, определяющих границы, контуры нового пространства социальных взаимодействий как целости. Понятие «находиться в движении», отмечает далее З. Бауман, имеет вполне отличный, противоположный смысл для тех, кто находится, соответственно, на вершине и у подножия новой иерархии. А большинство населения – «новый средний класс» нерешительно топчется между этими двумя крайностями, несет на себе всю тяжесть этого противостояния и страдает от острой экзистенциальной неопределенности, беспокойства и страха. Сама необходимость развеять подобные страхи и нейтрализовать заложенный в них потенциал недовольства является, в свою очередь, мощным фактором дальнейшей поляризации между двумя смыслами понятия «мобильность» (Бауман, 2008: 8–9). Другими словами, ускоряет переход к новому социальному «укладу», поскольку исторически социальные уклады отличаются между собой типами социальной поляризации. Еще одной особенностью такого перехода является размывание среднего класса.

Попытаемся рассмотреть фактор этничности в конструировании горизонтального пространства социальных отношений на примере современных внешних миграций украинцев. Видный исследователь процессов глобализации

Э. МакГрю обращает внимание, что глобализация, с характерной для нее вседуальностью массовой культуры, деятельностью глобальных медиа и информационных сетей, неожиданно сочетается с возрождением этнических идентичностей и возвращением различий (McGrew, 2004: 27). Британские ученые – авторы доклада о предвидении изменения идентичностей в Соединенном Королевстве в перспективе ближайших десяти лет – для национальных идентичностей отмечают возрастание количества людей, определяющих себя скорее шотландцами, уэльсцами или англичанами, нежели британцами (Foresight Future Identities, 2013).

Одна из важных черт глобализации – «взрыв периферий в центры» или «периферизация Ядра» (Kearney, 1995: 154, 155) – непосредственно связана с изменением преобладающего направления миграций: если раньше этим направлением были выезды из центров на периферии, связанные, в частности, с освоением новых земель, то теперь более популярным является движение в обратном направлении. Так, согласно результатам наших исследований, украинские мигранты преимущественно концентрируются вокруг мегаполисов – Рима, Мадрида, Барселоны, Лондона, Москвы и др. В условиях формирующегося горизонтального пространства общения сама «периферия» становится «центром». Это выглядит более очевидным в контексте персонализации социального времени³.

Транснациональные пространства миграции, по мнению исследователей, устраняют дилемму мигрантов – интеграция (которая понималась как ассимиляция) с обществом пребывания или образование в нем этнического меньшинства. Последнее формируется из представителей миграции, относящихся к культурному ландшафту страны пребывания. Результаты нашего исследования позволяют определить современную украинскую трудовую миграцию как горизонтальную циркуляцию людей, охватывающую одну, несколько или много стран пребывания, страну происхождения, которая впоследствии может стать одним из звеньев в цепи перемещений. Этот процесс не предвидит ассимиляцию обществом пребывания либо интеграцию такой миграции в виде диаспоры, хотя проявления первого и второго присущи динамике украинского миграционного процесса.

Речь идет о формировании структур ежедневной жизнедеятельности в горизонтальном пространстве миграции, воссоздающем этнические паттерны. Украинцы создали очень эффективные социальные сети, соединяющие их между собой в разных странах и с Украиной. Через неформальные сети мигранты быстро обмениваются информацией о конъюнктуре рынка труда, возможностях трудоустройства и получения жилья в той или иной стране пребывания, оформлении документов на легализацию, воссоединении семьи, передают заработанные деньги на родину, получают новости от родных и близких, товары с Украины. Н. Шегда, украинский социолог в Италии, говорит о существовании «целых сетей связей между земляками, знакомыми, друзьями, родственниками,

выполняющих как *функцию адаптации, помогая в поисках работы (иногда за оплату)*, предоставляя необходимую информацию и контакты, так и *селекционную функцию, влияя на выбор страны иммиграции*» (Shehda, 2003).

Т. Файст называет этот процесс генезисом социальности, не связанным с географической, но больше всего укорененным в социальной близости («the genesis of sociality not tied to geographical but mainly rooted in social proximity») (Faist, 2010: 21). Ученый выделяет три типа социальных практик, позволяющих трансмигрантам взаимодействовать внутри сетей, групп и организаций: социальный обмен как форма моральных обязательств и ожиданий, которую можно свести к принципу «око за око»; «реципрокность» (reciprocity) как социальная норма (получение чего-то от одной стороны предполагает действие в ответ); солидарность членов группы, объединенных похожими статусными позициями и общими символическими связями – «коллективными представлениями» (Э. Дюркгейм) и «разделяющих общие идеи, ценности и символы». Образцы действия принципа реципрокности, которые приводит Т. Файст, – родственные связи, бывшие главным механизмом привлечения к трудовой миграции первого поколения; денежные переводы родственникам на родину; циркуляция товаров, информации и идей, которые преодолевают границы национальных государств. Транснациональные сообщества мигрантов, объединенных солидарностью, определяются «случаем, в котором люди мигрируют и остаются в стране иммиграции связанными социальными и символическими связями надпространственными и надвременными барьерами, отвечающими социальным сетям в двух государствах» (Алексеева: 32).

З. Бауман отмечает, что понятие «местная община» укоренено в вопросе о расстоянии, а именно в противоположности между «здесь» и «там», «близко» и «далеко». По выражению Т. Люка, пространственность традиционных обществ выражается метафорами, описывающими «непосредственные возможности тела обычного человека. Доверительность – «с глазу на глаз»; солидарность – «бок о бок»; общность – «рука в руку». Хрупкость и недолговечность сегодняшних сообществ, по мнению З. Баумана, связаны с сокращением или полным устранением этого разрыва, между «почти мгновенной связью внутри небольшого сообщества и огромным временем и затратами, необходимыми для передачи информации от одного сообщества к другому» (Бауман, 2008: 14–18).

Переход от «вертикального» общения в пределах территориальных сообществ к «горизонтальному» общению в процессах миграционных перемещений становится определяющим для изменения среды воспроизводства и влияния этничности на конструирование социальных идентичностей. Современные транснациональные сообщества являются своего рода возвращением к «первичному сообществу» на другом уровне: их участники оказались «бок о бок» уже в глобализированном пространстве общения⁴. И паттерны этничности здесь проявляют себя в структурировании повседневной жизнедеятельности людей – «в по-

вседневных столкновениях, практических категориях, знании здравого смысла, культурных идиомах, когнитивных схемах, сигналах во взаимодействии, дискурсивных фреймах, организационной рутине, социальных сетях и институциональных формах» (Брубейкер, 2012: 15–16).

В контексте формирования социальных идентичностей в горизонтальном пространстве со-бытия на передний план выходит этничность не как «группа» («некая субстанция, сущность или коллективная личность»), а как «событийность», «точка зрения на мир» «в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах» (Брубейкер, 2012: 15–16). Р. Брубейкер предлагает изучать этничность и национальность, опираясь на достижения когнитивных исследований, этнометодологии и анализа разговора через «социокогнитивные процессы и процессы взаимодействия, в которых категории, применяемые индивидами для осмысления социального мира, связываются со стереотипными верованиями и ожиданиями по отношению к членам данной категории, обогащаются эмоциональными ассоциациями и оценочными суждениями, используются как ресурсы в конкретных контекстах взаимодействия, а также вводятся в действие посредством ситуативных факторов и стимулов» (Брубейкер, 2012: 13–14).

Это очень продуктивное направление, при котором «этничность, раса и национальность могут существовать и “работать” при несуществовании этнических групп как субстанциальных сущностей» (Брубейкер), еще ждет своих последователей. Результаты же наших исследований пока привели к общему выводу о том, что межперсональные сети, охватывающие преимущественно представителей этнической среды мигрантов, их агентов в принимающих странах, главным образом формируют их пространство общения. В него «вкрапливаются» работодатели, члены миграционных, консульских служб, неправительственных организаций, открывая перед украинцами перспективы интеграции с принимающим обществом или реинтеграции в стране происхождения. Однако определяющими остаются горизонтальные циркуляции мигрантов. Динамика этого процесса не предполагает, что его определяющей тенденцией станет ассимиляция мигрантов принимающими обществами. Дальнейшая трансформация идентичностей первых будет происходить через формирование новых «полей интересов» в «корридорах соотнесений» параллельных социокультурных взаимопереходов и создаваемого ими пространства общения, в которых сохраняются паттерны этничности.

В этом контексте может быть интересным сравнение различий структур жизнедеятельности, создаваемых мигрантами, выезжающими на заработки в рамках ЕС из его восточных стран-членов, например из Польши, в западные страны, с одной стороны, и мигрантов из-за пределов ЕС, в данном случае из Украины, – с другой. Если мигрантскую идентичность первых можно определить как «временную» («the migrants view themselves as mobile persons responding to

economic opportunities rather than migrants who have left the homecountry for good and made a decision to settle abroad») (Torunchyk-Ruiz, 2008), то для вторых характерна «перманентная временность», когда миграция представляет устоявшийся образ жизни («to seek, where good»). Польские трудовые мигранты в западных странах-членах ЕС дистанцируются как от своих соотечественников-иммигрантов, так и по отношению к гражданам страны пребывания. Для мигрантов – граждан страны ЕС социальные сети внутри этнической группы в целом облегчают процесс «цепной миграции» и не имеют тенденции к воссозданию своей «собственной локальности». Эмиграция, как мы уже сказали, воспринимается ими как временность. В противоположность им представители мигрантской идентичности, к которой относятся украинцы, реализуют эффективные межличностные сети, выражающие более устойчивую жизнедеятельность, структуры общения, вытекающие из традиционных этнических форм. К ним можно отнести и воссоздание социокультурных форм самоорганизации, присущих традиционной диаспоре (церковные общины, культурные, образовательные, студенческие, женские общества, издание собственной прессы). Они являются скорее коммуникаторами формирующегося пространства социальных отношений, для которого миграция является постоянной чертой, нежели факторами создания диаспор.

В условиях горизонтального пространства общения «ассимиляция» может быть определена через концепт параллельных вхождений в иные (иноэтнические) социокультурные пространства. Такие вхождения не предполагают интеграцию в среду, мир событийности, очерченный некими внешними, в том числе территориальными, границами, возникают как «фактор самоосуществления» мигранта в горизонтальном пространстве общения. В то же время этнические паттерны сохраняют свою важность для социальной когнитивизации. Этнические структуры не исчезают в горизонтальном социальном пространстве, воссоздаются в реципрокности, других типах социальных практик.

Рассматривая имеющиеся концепции диаспоры и транснационализма, Т. Файст проводит дифференциацию между ними и глобальным подходом. Первые являются локальными, т.е. касаются феноменов, связанных с ограниченными социальными и географическими пространствами. Они с необходимостью не связаны с глобальным сознанием, глобальным горизонтом мирового общества, глобальной справедливостью и космополитизмом. Более того, диаспора и транснационализм не обязательно соседствуют с тем, что называется глобальным гражданским обществом, объединенным в транснациональные сети для защиты универсальных ценностей, таких как права человека, демократия, гендерное равенство. Транснациональные социальные движения изучаются как примеры глобализации и универсализации прав и практик «снизу» (Faist, 2010).

Мой тезис состоит в другом: новейшие мигрантские движения создают ячейки повседневной жизни, конструируют социальность, структуры и иден-

тичности глобального пространства общения. В то время как «глобальные сети за универсальные права», хотя и являются проявлениями глобализации, все же выражают расширение «территориально централизованных» по своему происхождению принципов и целей.

Литература

- Алексеева, М. Гендер в пространстве транскультурной коммуникации: анализ дискурсивных репрезентаций. Дипломная работа при Европейском университете в Санкт-Петербурге. На правах рукописи, Архив Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге, 34 с.
- Архів Інституту народознавства НАН України. 2006. Фонд «Польові матеріали». Ф. 1, оп. 2, од. зб. 545 а.
- Архів Інституту народознавства НАН України. 2006. Фонд «Польові матеріали». Ф. 1, оп. 2, од. зб. 575 а.
- Бауман, З. Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства. Київ: Києво-Могилянська Академія, 2008.
- Брубейкер, Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Лібанова, Е. (ред.) Зовнішня трудова міграція населення України. Результати першого загальнонаціонального вибіркового обстеження домогосподарств з питань трудової міграції, проведеного Українським центром соціальних реформ за участю Державного комітету статистики України. Київ, 2009.
- Марков, І., Бойко, Ю., Іванкова-Стецюк, О., Селещук, Г. та інші. На Роздоріжжі. Аналітичні матеріали комплексного дослідження процесів української трудової міграції (країни ЄС та Російська Федерація) / І. Марков (ред.). Львів, 2009.
- Позняк, О. В. Міграційна ситуація в Україні: загальнодержавні тенденції та закономірності територіальної диференціації // Український географічний журнал. 2002. № 1. С. 98–128.
- Foresight Future Identities. Executive Summary. The Government Office for Science, London, 2013.
- McGrew, A. Globalizacja i polityka globalna // J. Baylis, S. Smith (red.) // Globalizacja polityki światowej. Wprowadzenie do stosunkow miedzynarodowych. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiелonskiego, 2004.
- Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Faist, T. Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? / R. Bauböck, T. Faist (eds.) // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods. Amsterdam University Press, 2010.
- Jończy, R. Nowa poakcesyjna emigracja z Polski – perspektywy i zagrożenia oraz możliwości przeciwdziałania (wnioski z badań prowadzonych na obszarze Śląska) / Duszczyk, M., Lesińska, M. (red.) // Współczesne migracje: dylematy Europy i Polski. Warszawa: Ośrodek Badań nad Migracjami, 2009. S. 143–145.
- Kearney, M. The Local and the Global: The Antropology of Globalization and Transnationalism // Annual Rewiew of Antropology. 1995. Vol. 24. P. 547–565.

- Markov, I. Contemporary Ukrainian Migration to EU Countries: Trends and Challenges // I, Liikanen, J. Scott and T. Sotkasiira (eds.) // Migration, Borders and Regional Stability in the EU's Eastern Neighbourhood. London: Routledge (forthcoming), 2015.
- Shehda, N. Dall'Ucraina all'Italia: una migrazione che cresce / N. Shehda, O. Horodetsky // *Aticizia*. Anno XL (10/11/12). 2003.
- Torunchyk-Ruiz, S. Being together or apart? Social networks and notions of belonging among recent Polish migrants in the Netherlands // *CMR working papers*. № 40/98. 2008.

Примечания

- ¹ См. мою статью «Глобализация и миграции: теоретические и методологические аспекты исследования социодинамики».
- ² См. мою статью «Глобализация и миграции: теоретические и методологические аспекты исследования социодинамики».
- ³ См. мою статью «Глобализация и миграции: теоретические и методологические аспекты исследования социодинамики».
- ⁴ Исследователи отмечают высокий уровень солидарности участников социальных сетей.